

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Предисловие. Все, что в наших силах	10
1. Один пришел, другой ушел	20
2. Самая тяжелая работа	31
3. Похоронить травму	42
4. Обучение длиною в жизнь	48
5. Волнующая регулярность	59
6. Лица быстро забываются	71
7. Я впадаю в отчаяние	83
8. Собирая по кусочкам	99
9. Короткое помешательство	110
10. Иди ищи чертов подорожник	123
11. Недостаток уважения	136
12. Повседневные дела	152
13. В нужное время в нужном месте	165
14. Проблемы накапливаются	181
15. Слово на букву «З»	192
16. Страшное чувство	206

ДЭН ФАРНВОРТ

17. Испорченный и мрачный	218
18. Путь к исцелению	230
19. Почему?	239
20. Что-то позитивное	246
21. Становится лучше	254
22. Другой путь	263
23. Смягчение удара	272
24. Безмерно горд	278
Благодарности	286

Посвящается

Мэдисон, Рианне, Кортни и Харфрисону.

*А еще маме и папе, моим путеводным звездам,
которые помогли мне стать тем, кем я являюсь.*

*Памяти Пола Эдмондсона, настоящей легенды
и потрясающего сына, отца, брата и друга.*

ОТ АВТОРА

Хотя я не называл места и имена людей ради сохранения конфиденциальности, события, описанные в книге, полностью соответствуют действительности. Я написал эту книгу по нескольким причинам. Во-первых, чтобы общественность лучше понимала, из чего состоит жизнь работника скорой помощи. Во-вторых, чтобы отдать дань уважения своим коллегам, которые продолжают творить чудеса в сложных обстоятельствах, и Национальной службе здравоохранения, которая, несомненно, трещит под давлением, но остается маяком для многих. В-третьих, чтобы рассказать о влиянии тяжелой работы на психическое здоровье сотрудников скорой помощи и сделать так, чтобы люди знали об этой проблеме.

ПРЕДИСЛОВИЕ. ВСЕ, ЧТО В НАШИХ СИЛАХ

Была темная и бурная ночь, а дождь лил ручьем.

На самом деле это все выдумка. Все никогда не бывает таким драматичным, и предзнаменования случаются крайне редко. Ночь, о которой я говорю, как и большинство ночных смен в службе скорой помощи, была заурядной сменой в середине недели. Скорее всего, мы ездили к пожилой женщине, упавшей по пути в уборную, и мужчине средних лет, проснувшемуся от боли в груди. Для нас это стандартная программа. Пытался ли пьяный мужик ударить меня? Возможно. Такое случалось не раз. Дороги были почти пустыми, а на тротуарах попадалось больше лис, чем пешеходов. Это даже лучше, поскольку у грациозных лис хорошие манеры: они не напиваются коктейлями и не засыпают на пороге магазинов.

Обращение из полиции: «Нам снова трезвонит тот парень и говорит, что зарубил мать топором. Он постоянно это твердит. Либо у него десять матерей, либо он опять выдумывает. Можете съездить и посмотреть?»

Поясняю: полицейские хотят, чтобы мы съездили к пациенту, который утверждает, что зарубил мать топором. У нас нет ни оружия, ни

бронежилетов, ни специальной подготовки по обращению с психически нестабильными людьми. Это интересно.

Иногда на вызовах приходится ждать полицию по 40 минут. Ну, они хотя бы приезжают.

Я поворачиваюсь к своему напарнику и говорю: «Нет, ни за что не пойду туда без полиции, если, конечно, нам не выдадут полное обмундирование».

Скорее всего парень несет чушь, но что, если на этот раз он говорит правду? У меня четверо детей, в конце концов.

Мы медленно подъезжаем к дому предполагаемого убийцы, паркуемся за углом и наблюдаем за местом. Однако сложно остаться незамеченным в автомобиле скорой помощи: если вы не знали, он ярко-желтый, с мерцающим синим маяком сверху.

Следующие сорок минут мы с напарником обмениваемся историями о драматичных и травматичных заданиях, пока не приезжает полиция. Спасибо, что все-таки приехали, ребята.

Двигаясь за спиной у полицейских, мы поднимаемся на порог дома потенциального убийцы. Дверь открывается, и он предстает перед нами во всей своей пьяной красе. Парень, спотыкаясь, ходит по коридору и кричит, чтобы мы от него отвалили. Не стесняясь в выражениях, он отрицает, что куда-то звонил, а его кот тем временем выбегает из дома. Теперь молодой человек рассказывает, что служил в Королевской морской пехоте и что изобьет нас, если мы не найдем кота.

Реакция полиции: «Нам можно ехать?»

Наша реакция: «Можно нам войти и оценить ваше состояние?»

Его реакция: «Валите отсюда, уроды!»

Перед нами возникает небольшая дилемма: если мы уедем, не оценив состояние пациента, а тот потом упадет с лестницы, то факт, что он сказал нам убратся из его дома, ничего не будет значить. Но что ты можешь сделать, когда перед тобой агрессивный бывший морской пехотинец, утверждающий, что он зарубил топором мать? Полицейские быстро осматривают его дом, не находят следов мертвой матери и торопливо смываются. Мы следуем за ними.

Очень часто сотрудники скорой описывают забавными фразами серьезные ситуации. Иначе в такой сложной работе просто невозможно справиться со всем стрессом.

Вернувшись в автомобиль, мы видим на бортовом компьютере новый вызов: «РЕБЕНОК, СЕМЬ НЕДЕЛЬ, НЕ ДЫШИТ. ОСТАНОВКА СЕРДЦА». У меня сердце уходит в пятки. Это худший кошмар для любого работника скорой помощи. Я включаю проблесковый маячок и жму на газ.

Нам часто говорят, что ребенок не дышит, но, когда приезжаем на вызов, мы видим взволнованную маму и ребенка, у которого в горле скопилось немного слизи. Я не виню родителей — конечно, такое состояние не может не напугать. Однако иногда у нас возникает плохое предчувствие. Можно сказать, что это шестое чувство сотрудника ско-

рой помощи, способность предсказывать, действительно ли ситуация опасная.

Дом, куда мы направляемся, находится за углом больницы, поэтому нужно принять важное решение. В больнице есть врачи, медсестры, педиатры и сто других специалистов, в то время как в нашем автомобиле находится лишь младший специалист по оказанию первой медицинской помощи, то есть я, и парамедик, который начал работать относительно недавно. Если бы мы находились далеко от больницы, то остались бы в доме, ввели препараты и попытались сделать все, что в наших силах, чтобы реанимировать ребенка, прежде чем везти его в больницу. Однако в данном случае мы быстро совещаемся, решаем войти в дом, схватить ребенка и как можно быстрее доставить в больницу. Между собой мы называем это «хватай и беги». Как это часто бывает в нашей работе, забавная фраза не отражает серьезность ее значения.

Нам разрешено превышать скорость только на 30 километров в час, и мы редко нарушаем это правило. Нет смысла мчаться на пределе возможностей, если рискуешь врезаться в стену и погибнуть. Я всегда говорю, что нужно «ехать так, чтобы доехать». Даже если вы торопитесь оказать помощь семье, застрявшей в горящем доме, или людям, пострадавшим в автомобильной аварии, вы станете перед судом, сбив кого-нибудь по дороге. Однако полученный только что вызов является поводом нарушить правила.

Мы останавливаемся у дома, выпрыгиваем из автомобиля и слышим, как женщина кричит: «Мой ребенок! Мой ребенок!»

Вдруг до меня доходит, что это и есть ситуация, ради которой мы проходим обучение. Если пожилая женщина, упавшая по пути в уборную, — всего лишь обычная тренировка, то этот вызов — финальный матч. Я должен выложиться по полной. Мне нужно все сделать правильно, поскольку многое поставлено на кон. Открываю задние двери автомобиля и хватаю все, что может понадобиться: дефибриллятор, набор для неотложной помощи, баллоны с кислородом, необходимые препараты и еще целую сумку с вещами. Не хватает только волшебной палочки. К сожалению.

Мы вбегаем в открытую дверь, словно навьюченные лошади: на плечах сумки и медицинское оборудование, шеи и пальцы напряжены, а головы повернуты в направлении крика. Когда я поднимаюсь по лестнице, у меня происходит выброс адреналина, и все происходящее словно замедляется, благодаря чему я могу быстрее анализировать ситуацию. Я твержу про себя: «Дыхательные пути, дыхание, кровообращение. Делай то, чему тебя учили».

Мы входим в спальню и видим на полу ребенка, которому отец проводит сердечно-легочную реанимацию. Ребенку семь недель. Он бледный и обмякший, и из носа у него идет кровь. Короче говоря, он выглядит так, словно у него мало шансов.

Процесс реанимации похож на игру огромного оркестра: каждый играет свою партию, а в итоге получается единая мелодия.

Мы отстраняем отца и пытаемся сделать все, что в наших силах. Ребенок обычно перестает дышать из-за обструкции дыхательных путей, поэтому мы всегда пытаемся обеспечить поступление кислорода и делаем компрессии грудной клетки, чтобы кровообращение не прекращалось. Вместо того чтобы делать компрессии двумя руками, как в случае со взрослыми пациентами, я аккуратно надавливаю на грудь двумя пальцами. Вместо того чтобы открыть медицинскую сумку, я сразу хватаю рацию, висящую у меня на бедре, и связываюсь с больницей: «Код красный. Мы везем младенца. Семь недель. Остановка сердца. У вас шестьдесят секунд, чтобы подготовиться».

Мой напарник хватается ребенка, а я — сумки. Мы мчимся к автомобилю скорой помощи, сажаем родителей и выезжаем. Пока я на полной скорости еду в больницу, мой напарник борется за жизнь ребенка в задней части автомобиля. Это похоже на попытки вдеть нитку в иголку, находясь в море во время шторма.

С момента прибытия к дому до приезда в больницу прошло не более трех минут, и я подозреваю, что врачи подготовиться не успели. Работники скорой помощи циничны в этом отношении, но у нас есть на то причины. Часто мы приезжаем в больницу и видим, что люди стоят в очереди на улице, а нам приходится ждать, когда врачи окажут неотложную помощь другим пациентам. Как бы грубо это ни звучало, здесь есть установленный порядок. Если вы приезжаете в больницу со сломанной рукой, то, вероятно, вам придется прождать несколь-